

ВВЕДЕНИЕ

Выработка адекватной политики в отношении КНР становится на современном этапе важной для всех государств, но особое значение такой курс имеет для сопредельных стран. Предпринятое исследование позволяет точнее очертить круг проблем, с которыми сталкиваются партнеры Китая, а также оценить их возможности добиться тех или иных целей в диалоге с этой страной - идет ли речь об освоении китайского рынка или о сотрудничестве по международным вопросам. Большое теоретическое и прикладное значение имеют анализ формирования мирохозяйственной стратегии КНР, ее воздействия на международные товарные рынки, а также исследования практики взаимодействия этой страны с частным предпринимательским капиталом, правительственными и международными организациями.

Важную роль играют разработки проблематики соотношения внутренних и внешних факторов в экономическом развитии КНР в последние десятилетия, имеющие значение для определения хозяйственного, технологического и политического потенциала этой страны.

Исключительно высокая экономическая динамика Китая в 80-90-е годы и его мирохозяйственные достижения в этот период привлекли внимание тысяч исследователей. Многие из них справедливо связывают перемены в жизни гигантской страны с ее политикой открытости по отношению к внешнему миру, ставшей двадцать лет назад одной из установок Пекина. Действительно, сдвиг в отношениях с соседями по планете государства, некогда славившегося замкнутостью и самодостаточностью, внешне

выглядит как фундаментальный, особенно на фоне так называемой автаркической модели, воплощавшейся в Китае в 60-е и в какой-то степени в 70-е годы.

Вместе с тем этот очевидный контраст послужил источником излишне прямолинейных и зачастую поверхностных исследований и заключений, вся методика которых строится на упрощенном понимании открытости как безусловного блага, а замкнутости как ее полной противоположности. Трафаретным стало представление о синхронности открытия и реформ в Китае, а также внутреннем единстве этих явлений, которое обыкновенно предполагается в штампе "либерализация экономики", часто используемом применительно к этой стране без достаточных, как представляется, оснований.

Кроме того, современные зарубежные исследования китайского хозяйства нередко демонстрируют растерянность специалистов, применяющих стандартные подходы. Например, представитель Мирового банка Викрам Неру (Vikram Nehru) отмечал в докладе 1997 г: "На микроуровне виден хаос, на макроуровне это каким-то образом работает"¹. Продолжается и имеющая определенное отношение к Китаю дискуссия вокруг причин экономического подъема стран Юго-Восточной и Восточной Азии (ЮВВА) в последние тридцать лет. "Объяснения этого явления, - пишет М.Бергер, - продолжают прибывать от англо-американского либерализма, представляющего быструю индустриализацию региона как оправдание фритредерской модели капиталистического развития. Менее влиятельные, но также известные ученые рассматривают успехи Восточной Азии в качестве

¹ China 2020. World Bank. Wash., 1997. P.26.

примера воплощения неокейнсианства. Одновременно растущее число исследователей в Северной Америке, Австралии и Европе относят подъем региона главным образом на счет конфуцианства или других расово-культурных характеристик. С последними подходами часто связаны откровенно расистские рассуждения, в которых подъем Востока, особенно Японии (а теперь и Китая), выглядит как угроза Западу"². Есть и авторы, относящие успехи НИС главным образом на счет политических причин. "Просто существует непонимание причин успехов этих экономик, - замечает австралийский специалист К.Лингл. - Рискну заметить, что очень динамичный рост в Восточной Азии был сочетанием обстоятельств и везения. Главным образом экспортные способности этих стран опирались на привилегированный доступ на североамериканский и западноевропейский рынки. Открытость государств региона отражала лишь реалии холодной войны: стратегические интересы требовали, чтобы азиатские партнеры стали экономически сильными"³.

В действительности весь довоенный и послевоенный опыт вхождения Китая и новоиндустриальных стран и территорий (НИС) в современный мир, а также последняя четверть века дают свидетельства куда более сложных взаимодействий между внутренними преобразованиями и внешнеэкономической сферой. Реакция производительных сил, населения и руководства страны на

² Berger M.T. The Triumph of the East? The East Asian Miracle and Post-Cold War Capitalism/ The Rise of East Asia: Critical Visions of the Pacific Century. Ed. by Berger M.T., Borer D.A. L.: Routledge, 1997.

³ Lingle Ch. Import to Grow! Asiaweek. 17.09.1999. P.63.

внешние возможности и воздействия часто бывала неоднозначной. Отнюдь не столь простыми оказываются при ближайшем рассмотрении и отношения между внутренними хозяйственными преобразованиями и частичной либерализацией внешнеэкономических связей в последнее двадцатилетие. Так, реформы в КНР начались в том числе и с усиления централизации в промышленности, а введение хозрасчета в индустрии, продолжающееся до сих пор, стартовало спустя пять лет после запуска программы создания специальных экономических зон и законодательного оформления совместного предпринимательства с участием иностранных инвесторов в 1979 г. Увеличение притока зарубежных предпринимательских инвестиций в китайское хозяйство в 1990-1992 гг. сопровождалось рецентрализацией внешней торговли многими товарами и резким ужесточением внешнеэкономического регулирования. Волны некоторого смягчения внешнеторговой политики Пекина на одних направлениях нередко совпадали с усилением централизованного контроля и протекционизма в других сферах и т.д.

В этой книге сделана попытка более тщательного, выходящего за ставшие стандартными рамки анализа процесса взаимодействия китайского хозяйства с внешним миром. Злободневность темы повысилась в наши дни, когда финансово-экономический кризис в тихоокеанской Азии, случившийся в 1997-1998 гг., часто и не без оснований рассматривается как кризис чрезмерно открытых экономик, а относительно благополучное положение китайского хозяйства - как пример устойчивости самодостаточной, а потому более защищенной страны. К тому же, развивая "открытую политику", КНР выработала богатый арсенал

эффективных средств взаимодействия с мировым хозяйством, включая периоды низкой конъюнктуры, спадов и депрессий.

Чтобы разобраться в причинах успехов Китая, нужно, в частности, ясно разделить понятия "реформ" и "открытия". Во-первых, из практики многих стран, включая Россию прошлого века и СССР 20-х годов, США после кризиса 1929 г. (достаточно вспомнить повышение импортных пошлин на 70% в 1930 г. по закону Смита-Хаули) и т.п., хорошо известно, что преобразования в крупном хозяйстве лучше и легче проводить за протекционистским барьером. Во-вторых, ритмы двух процессов - реформирования и открытия - в Китае не совпадали: открытие происходило более плавно и осторожно даже на фоне общепризнанной постепенности внутренних китайских реформ.

Нынешний подъем Китая, по-видимому, носит целостный, цивилизационный характер, затрагивая экономику, политику, науку и технику, культуру и т.д. В этом движении непросто выделить отдельные составляющие, например, "развитие", "рост", "реформы", "модернизацию". Наиболее адекватными представляются понятия "рост" и "развитие", поскольку они особенно хорошо передают динамичный характер явлений, происходивших в Китае в последнюю четверть XX в. Что касается последнего десятилетия XX в., то именно стабильный экономический рост был главной особенностью КНР, ярко выделив эту страну среди десятков государств, проводивших те или иные реформы, как правило, сопровождавшиеся крупными сбоями в экономической динамике или глубокими кризисами. Понятия "рост" и "развитие" свободны от отмеченных выше и многих других изъянов толкования хозяйственных процессов в Китае в его взаимодействии с внешним

миром, в которых на первый план выдвигается либерализация экономики. Эти дефиниции лучше отражают и общий подход, сложившийся в экономической школе отечественного востоковедения, где уже длительное время ведется разработка понятий роста и развития, а также предпринимаются попытки комплексного, методологически интегрированного анализа хозяйственных проблем в широком историко-культурном и политико-идеологическом контексте. Автор в первую очередь опирался на разработки советских и российских экономистов-востоковедов А.З.Арабаджяна, Е.А.Брагиной, Е.В.Бубенцова, С.А.Былиняка, А.И.Динкевича, И.С.Дьяковой, В.К.Зайцева, Л.З.Зевина, В.П.Илюшечкина, В.А.Исаева, В.А.Мельянцева, П.П.Моисеева, А.С.Мугрузина, И.Н.Наумова, О.Е.Непомнина, А.М.Петрова, Э.П.Пивоваровой, В.Я.Портякова, В.Б.Рамзеса, В.Г.Растянникова, Л.И.Рейснера, Г.И.Старченкова, С.В.Степанова, Г.Д.Сухарчука, С.И.Тюльпанова, Н.А.Ушаковой, Л.А.Фридмана, Г.К.Широкова, А.Я.Эльянова, В.А.Яшкина и других. Учитывая, что подъем Китая в последние двадцать лет носит всеобъемлющий характер, а также принимая в расчет исключительно большое значение политики в мирохозяйственных связях КНР (достаточно упомянуть стержневую для их развития в последние двадцать лет установку "одно государство - две системы"), для исследования темы был привлечен и обширный массив научной литературы, касающейся цивилизационно-культурных и политических аспектов отношений Китая с другими государствами и территориями.

Комплексный востоковедческий подход привлекателен совмещением имеющегося багажа знаний о мировой экономике с анализом специфики модернизационных процессов на Востоке,

изучением особенностей хозяйств Азии, вытекающих из природных, демографических и культурных черт традиционных обществ, хозяйственного менталитета и общего мировоззрения их членов.

Популярность тематики, связанной с анализом китайского хозяйства и его местом в мировой экономике, а также с политическими аспектами подъема КНР, имела в 90-е годы, по крайней мере, два следствия. С одной стороны, произошел настоящий взрыв числа публикаций о Китае вследствие подключения к исследованиям в данной области очень большого числа экономистов и международников, ранее не занимавшихся китайской проблематикой. Эта волна породила немало свежих идей и оценок, огромное количество межстрановых сопоставлений. С другой стороны, значительная часть китаеведов со стажем, отмечая невысокую страноведческую осведомленность "новой волны", сосредоточилась на подчеркивании исторической и социально-экономической специфики Китая. Возникли не всегда продуктивные дискуссии по поводу индивидуального, общего и особенного в хозяйственном поведении Китая. Складывается парадоксальная картина: динамичный рост в азиатской стране оказался предметом столкновения нередко противоположных взглядов относительно примата или универсальных (общемировых) или, напротив, индивидуальных (специфически китайских) тенденций. При этом вне поля зрения остается собственно восточная (азиатская) составляющая хозяйственного развития и экономической политики в КНР. То же можно сказать и о понимании мирохозяйственной стратегии Китая, формировавшейся под влиянием ближайшего окружения, а также на основе анализа достижений и проблем в этой сфере у соседних стран и территорий. В результате представления о

месте хозяйства крупнейшей страны в мировой экономике обедняются, происходит неправомерное отделение предмета от окружающего его мира, политика открытости редко воспринимается как вписывание КНР прежде всего в модернизирующуюся Азию. Между тем никаких особых секретов хозяйственная и внешнеэкономическая практика Китая в последние двадцать-двадцать пять лет не содержит. Успехи и неудачи этого государства вполне объяснимы, если приложить к ним теоретические представления и эмпирические наблюдения, касающиеся хода промышленной революции в странах Запада и Востока, характера взаимозависимости в современном мире, истории "зеленой революции", способов адаптации азиатских стран к научно-техническому прогрессу, углублению международного разделения труда и т.д.

Поэтому представляются малопродуктивными сравнения Китая с развитыми странами, а также неубедительным распространенный в зарубежных и российских публикациях тезис об "отставании" КНР от европейских "переходных" стран или повторении Китаем пути СССР. Например, В.Малышев и Р.Рахлина пишут: "Китай на данном этапе развития (вслед за СССР на предыдущем) демонстрирует возможное расхождение выводов о потенциале страны при его оценке по объемным показателям и по показателям эффективности"⁴. Внешнеэкономическая полноценность китайского хозяйства (важнейший показатель эффективности в современном мире, в корне отличающий Китай от

⁴ Малышев В., Рахлина Р. "Пятерка" и Китай: сопоставительный прогноз экономического развития на период до 2015 года// Вопросы экономики. 1998. № 11. С.151.

позднего СССР) в приведенной оценке явно не учитывается. Замечу, что превосходство Пекина в этой области (в том числе информационное) связано, помимо прочего, с богатым опытом, приобретенным в Сянгане (Гонконге) в послевоенный период, а также плодотворными наблюдениями за сильной внешнеэкономической политикой Тайваня, Южной Кореи, соответствующими заимствованиями и т.д.

Автор попытался дать по возможности комплексную оценку взаимодействия мирового и китайского хозяйства, учесть многообразные изменения в ситуации, происходившие в 80-90-е годы. В работе проанализирован обширный материал, касающийся исторических и политических особенностей внешнеэкономического курса КНР, конкурентоспособности хозяйства этой страны, роли внутренних и внешних факторов в ее развитии. Подробно рассмотрены конкретные механизмы, обеспечившие реализацию целей мирохозяйственной политики Китая в последние десятилетия.

Во второй половине 90-х годов был зафиксирован, как представляется, качественный сдвиг в положении Китая в мировом хозяйстве, подготовленный полутора десятилетиями движения по пути преобразований. Суть и последствия этого сдвига поняты еще не до конца. Причиной тому - стереотипность подходов к оценкам экономического и мирохозяйственного потенциала КНР.

При анализе меняющегося места Китая в современном мире, по-видимому, не следует руководствоваться представлениями об этой стране как о легко типологизируемой части геоэкономических или геостратегических пространств. Рассматривая даже относительно удачные современные типологии, предусматривающие деление мира на всевозможные зоны (к примеру, "евразийскую",

"тихоокеанскую", "посткоммунистическую" или "новый неоиндустриальный Восток", "сырьевой (глубокий) Юг", "деструктивную параэкономику" и т.п.⁵), легко обнаружить, что КНР не вписывается в предлагаемые схемы, в том числе в силу гигантских масштабов, структурных особенностей и богатейшего разнообразия хозяйства.

Новизна ситуации состоит и в том, что даже квалификация Китая как развивающейся страны (хотя официально КНР по-прежнему относит себя к этой группе, имеет соответствующий статус в ряде международных организаций и добивается его сохранения, в частности, при вступлении в ВТО) в ряде случаев уже не вполне адекватна. Например, недавние опросы руководителей предприятий в прибрежных провинциях Китая показали, что большинство этих, как правило, хорошо знакомых с зарубежьем людей оценивают свою страну как "развитую", а часть (15%) - даже как "очень развитую". Высокие самооценки, в свою очередь, порождают сомнения, особенно если говорить о хозяйстве страны в целом. Уязвимо по ряду причин и отнесение КНР к группе новоиндустриальных стран и территорий (НИС).

Обычными стали не вполне корректные межстрановые сопоставления, не всегда правомерные выводы о подчиненности тенденций хозяйственного развития Китая неким общим закономерностям, складывающимся при существенно иных условиях. Вряд ли нужно приветствовать неаргументированное игнорирование государственной идеологии КНР, в том числе в ее

⁵ Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат// Восток. 1998. № 2. С.45, 48, 49.

социалистической части. "Практика упомянутых стран, - пишет академик О.Т.Богомоллов, - не дает однозначного ответа. Венгрия, Китай, Словения, Вьетнам, Словакия выбрали поэтапное и более или менее постепенное введение рыночных механизмов, тогда как в остальных посткоммунистических странах, по крайней мере на первых порах, превалировали шоковые методы"⁶. Замечу, что, неизменно оказываясь "специфичным" среди "переходных" и "посткоммунистических" стран, Китай лишний раз показывает условность и ограниченность подобных классификационных признаков.

Интересно, например, что в Сингапуре не торопятся относить Китай (а также Вьетнам) к "посткоммунистическим" или "переходным" странам, уважая государственную идеологию соседнего государства. В 1997 г., выступая на одной из конференций по конфуцианству, министр информации и культуры Сингапура Дж. Яо выразился так: "Конфуцианству предстоят три великих адаптации - к марксизму-ленинизму, демократии и равенству наций в межгосударственных отношениях...В КНР марксизм-ленинизм уже обеспечил стабильность не без помощи некоторых конфуцианских принципов". Говоря же о приспособлении к "всеобщности закона как принципу демократии", Дж. Яо заключил, что к этой идее конфуцианству приспособиться нелегко, поскольку "в последнем Правила извечно главенствовали над Законом"⁷.

⁶ Богомоллов О.Т. Опыт рыночных реформ в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ. М., 1997. С.14.

⁷ Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 4. С.126.

Впрочем, выяснение вопроса о том, к какой группе государств должен быть причислен быстро меняющийся Китай, - не самая главная задача работы. Важнее прояснить ряд пропорций и, соответственно, понятий, так или иначе касающихся проблем участия КНР в мирохозяйственных связях. К ним можно отнести такие часто встречающиеся термины, как "глобализация", "интернационализация", "интеграция", "открытая экономика" и некоторые другие. К сожалению, шаблонное употребление некоторых из них применительно к Китаю может вести к искажению оценок характера, масштабов и темпов экономических изменений в стране, ее нынешней мирохозяйственной стратегии, перспектив этого курса.

При выборе понятий для определения современной внешнеэкономической политики КНР, с одной стороны, нужно учесть, что уровень протекционизма в этой стране, остается, по крайней мере, на порядок более высоким, чем в НИС. С другой стороны, наличие в составе государства Сянгана, практически наиболее либерализованного очага азиатского хозяйства (специальный административный район является, помимо прочего, членом ВТО), существенно затрудняет совокупную характеристику политики Китая в рассматриваемой области. И это отнюдь не единственная проблема, возникшая перед исследователями после перехода территории под китайскую юрисдикцию в 1997 г. Немалые методологические затруднения представляет статистический анализ товарных и денежных потоков внутри "расширившегося" Китая, даже терминологическая квалификация привлеченного в страну извне предпринимательского капитала.

Применительно к внешнеэкономическому курсу КНР можно встретить такую, например, формулировку: "Особого внимания, в частности, заслуживает роль государства в формировании свободной от политизации, разносторонней внешнеэкономической политики...осуществление «разумного» протекционизма по отношению к стратегически важным отечественным отраслям и предприятиям"⁸. Не вполне понятно, зачем нужны кавычки в слове "разумный", а также каким образом политика может быть "свободна от политизации". Впрочем, по сути М.Потапов прав, - термин "протекционизм" наилучшим образом отражает характер внешнеэкономической политики современного Китая. Как ни странно, этот очевидный факт оспаривается некоторыми представителями "новой волны" в синологии. В четвертом номере журнала "Вопросы экономики" за 1998 г. была опубликована статья А.Илларионова "Секрет китайского экономического «чуда»". Ее автор приходит к следующему заключению - секрет китайских успехов, оказывается, основан на том, что в 1979-1997 гг. "вопреки широко распространенным представлениям в Китае проводились не постепенные (градуалистские), а либеральные экономические реформы. При этом степень либеральности и радикальности китайских реформ, по всей видимости, не имеет аналогов в мировой истории". В КНР, согласно этому автору, проводилась также "последовательная либерализация внешнеэкономических связей".

В качестве примера терминологических сложностей, возникающих при квалификации внешнеэкономической политики

⁸ Потапов М. Внешнеэкономическая стратегия Китая: значение китайского опыта для России// Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 2. С.81.

восточноазиатских стран, можно указать на осторожную формулировку "дозированный либерализм". Ее в своей недавней работе выбрал для характеристики международной экономической политики НИС профессор В.А.Мельянцев⁹. Однако даже такая формулировка оказывается весьма уязвимой, принимая во внимание значительные, а то и принципиальные различия (например, между Гонконгом и Южной Кореей) в соответствующей сфере хозяйственного регулирования в этих странах и территориях. Стоит заметить, что не вполне соответствует истории хозяйств стран и территорий ЮВВА и расхожий штамп о нарастании "либерализма" в их послевоенных экономических стратегиях. Фактически первым (и последним) либеральным с внешнеэкономической точки зрения анклавом среди НИС был Гонконг. А всю имеющуюся историю остальных НИС можно представить и как ограниченное или вынужденное использование элементов открытости в целом протекционистски настроенными правительствами стран ЮВВА. Примерно так же можно подойти и к анализу политики КНР, учитывая, конечно, специфику этой страны и согласившись с В.А.Мельянцевым в том, что "импортзамещение само по себе не является абсолютным злом"¹⁰.

⁹ Мельянцев В.А. "Восточноазиатская модель" экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М.: ИСАА при МГУ, 1998. С.10, 30.

¹⁰ Мельянцев В.А. "Восточноазиатская модель" экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М.: ИСАА при МГУ, 1998. С.37.

Важный элемент концепции - анализ положения китайского хозяйства в годы, предшествовавшие кризису 1997-1998 гг. и во время кризиса. Перевернув многие устоявшиеся представления, кризис в ЮВВА, несомненно, обладает и мощным разрешающим действием, демонстрируя новые, а еще чаще старые истины экономической теории и практики. Азиатские экономисты, обсуждая пути стабилизации хозяйства континента после кризиса 1997-1998 гг., все чаще высказывают мысль о необходимости "деглобализации" - т.е. пересмотра самой модели развития "фундаментальными недостатками которой являются неразборчивая интеграция в мировое хозяйство и чрезмерная опора в развитии на зарубежный капитал"¹¹. Острой критике подвергается избыточность сферы обращения. "С начала 80-х годов мы пытались сократить число финансовых учреждений. Нелепо иметь такое количество финансовых институтов и коммерческих банков в небольшой экономике, - отмечает директор Института стратегических и международных исследования в Куала Лумпуре, советник премьер-министра Малайзии Ноордин Сопии (Noordin Sopiee), - лично я оставил бы три"¹².

Все чаще и на Западе появляются аналитические работы, ставящие под сомнение выгоды нарастающей открытости для хозяйств развивающихся стран. Американский исследователь Д.Родрик, например, на обширном статистическом материале показал отсутствие какой-либо связи между уровнем открытости и

¹¹ Bello W. The Answer: De-Globalize// Far Eastern Economic Review. 29.04.1999. P.61.

¹² Asiaweek. 17.09.1999. P.57.

экономическим ростом¹³. Для достижения последнего, по мнению этого же специалиста, куда важнее последовательная инвестиционная стратегия и наличие властных структур, способных преодолевать внутривластные конфликты¹⁴. В недавнем докладе И.Валлерстайна отмечается: "Нет оснований считать, что мировая экономика сегодня более глобализована, чем на прежних стадиях, в частности, в период 1873-1914 гг." Что же касается "концепции глобализации", то она, по мнению этого ученого, "служит главным образом в качестве риторики с политическими целями: повсеместного снижения уровня заработной платы; устранения государственных ограничений на свободное перемещение капитала; уменьшения перераспределительных функций государства, его расходов (на образование, здравоохранение, гарантии пожизненного дохода). Поскольку эта риторика, - продолжает И.Валлерстайн, - в растущей мере официально бралась на вооружение (особенно в 1985-1995 гг.), соответствующие изменения в политике отдельных государств (в действительности меньшие, чем это декларировалось) дали социальный откат по всему миру. Поэтому маловероятно, что последуют новые шаги в этом же направлении"¹⁵.

Исключительно высокие темпы изменения ситуации в ЮВВА в последние годы и даже месяцы заставляют на ходу пересматривать привычные взгляды на сложившуюся там расстановку политических

¹³ Rodrik D. Has Globalisation Gone Too Far? Wash.: Institute of International Economics, 1997.

¹⁴ Rodrik, D. The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work. Plymbridge: Johns Hopkins University Press, 1998.

¹⁵ Wallerstein I. The World We Are Entering, 2000-2050. Discussion Notes. Schengen, Luxembourg. June 4-5, 1999. P.9.

сил и внешнеэкономические тенденции. И если о причинах кризиса 1997-1998 гг. до сих пор ведутся острые дискуссии, то некоторые следствия этих событий выглядят уже вполне определенно, в частности, налицо резкое углубление кризиса сбыта на мировых рынках и обострение здесь конкурентной борьбы. А особое положение КНР, оказавшейся пока куда менее своих соседей затронутой негативными последствиями кризиса - как хозяйственными, так социальными и психологическими, - делает ее экономическую стратегию чрезвычайно привлекательным объектом изучения.

Некоторые авторы справедливо указывают на то, что причиной устойчивости китайской экономики является низкий уровень финансовой либерализации в КНР¹⁶. Однако только этого объяснения, на мой взгляд, недостаточно - попытка представить более полный список причин отмеченного явления - одна из целей настоящей работы.

Главный предмет настоящего исследования - соотношение и взаимовлияние внешних и внутренних факторов в хозяйственном развитии Китая в последние 20 лет и их проекция на нынешнюю ситуацию в Азии. В рамках ретроспективного анализа внимание концентрируется на наиболее типичных и значимых эпизодах, особо сложных проблемах взаимодействия с внешним миром. В пяти главах анализируются пять групп вопросов: принципы мирохозяйственной стратегии и внешнеэкономической политики Китая в их соотношении с практикой; основные параметры участия

¹⁶ Lommen Y.F., Tonchev P. China in East Asia: From Isolation to a Regional Superpower Status. Athens: Institute of International Economic Relations, 1998. P.31.

страны в мирохозяйственных связях; конкурентоспособность экономики КНР; эффективность усилий КНР по достижению технологической самостоятельности и роль этой страны в качестве субъекта процесса глобализации; региональные аспекты внешнеэкономических связей и политика в Сянгане. Одну из главных задач исследования автор видит в выявлении специфики взаимодействия внутренних и внешних факторов в Китае, определении хозяйственных параметров, а также социально-экономических, политических и идеологических компонентов его внешнеэкономического курса.

Большое внимание в работе уделяется второй половине 90-х годов - периоду перехода хозяйства Китая в новое качество и появления кризисных явлений в экономике стран ЮВВА. Автор постарался привлечь максимально возможное число источников информации и ее анализа, так или иначе помогающих раскрытию темы, отводя, быть может, несколько больше места точкам зрения специалистов со стажем - как отечественных, так и зарубежных.

В анализ хозяйственной и политической ситуации в тихоокеанской Азии в последние годы много нового внесли Р.Ш.А.Алиев, В.Б.Амиров, В.Белло, М.Бергер, А.Д.Богатуров, Д.Борер, Б.Бриджес, А.Д. Воскресенский, А.В.Загорский, В.М.Коллонтай, Г.Кристоферсен, П.Кругман, А.Крюгер, А.Ю.Мельвиль, В.Лимлиньган, К.Лингл, Э.Литвяк, В.В.Михеев, М.Мохамад, Д.Родрик, Д.Рой, Н.А.Симония, А.В.Скородумов, Р.Скалапино, Н.Сопии, И.Такатоши, Г.Томпсон, А.Н.Федоровский, Хао Юйфань, Хуань Гоцун, Ши Минь. Среди работ упомянутых авторов заслуживают внимания публикации П.Кругмана, посвященные проблемам трактовки основ экономического роста

НИС, а также причинам восточноазиатского кризиса 1997-1998 гг., в частности его недавняя работа "Возвращение депрессивной экономики"¹⁷.

По мнению известного экономиста, валютно-финансовый кризис в тихоокеанской Азии был усугублен политическими ошибками. "Если бы на Уолл-стрит случился кризис, а экономике США угрожало падение, то Федеральная резервная система, - отмечает П.Кругман, - несомненно, резко снизила бы процентную ставку. Вместо этой меры МВФ заставлял азиатские правительства повышать процентную ставку. В результате образовался новый порочный цикл. Проблема, таким образом, заключается в том, что при возникновении паники политика начинает следовать за предрассудками финансовых рынков, а не закономерностям улучшения базисных показателей хозяйства"¹⁸. Интересно, что если раньше П.Кругман писал об определенной мере безответственности в кредитовании странами ЮВВА своих хозяйств как одной из главных причин азиатского кризиса, то в новой работе он пересмотрел эту точку зрения. К такому мнению его склонили размышления по поводу наличия в избыточном кредите странам ЮВВА накануне кризиса высокой доли зарубежных вливаний. Заслуживает внимания оценка этим ученым ситуации в мировой экономике накануне 1999 г. Главной опасностью он считал переход дефляции в депрессию. Структурные реформы, с его точки зрения, перестали быть актуальным пунктом для национальных стратегий НИС в тот период. Куда важнее было, на его взгляд, стимулирование

¹⁷ Krugman P. The Return of Depression Economics. N.Y.: W.W.Norton & Co., 1999.

¹⁸ The Economist. 17.07.1999. P.8.

спроса, возможно, за счет перехода к инфляционной политике. В своей работе П.Кругман выступил с резкой критикой морализаторов-либералов, особенно некоторых экономистов в США, считающих, что "недемократичная" и "коррупцированная" Азия получила "по заслугам".

Тем не менее книга П.Кругмана вызвала и негативные реакции в Азии. В своем отклике на нее китайский исследователь Шоун Сюй (Shawn Xu), работающий на совместном предприятии, учрежденном Стройбанком КНР и финансовой группой Морган Стэнли, в частности отмечает: "Я совершенно уверен, что П.Кругман ошибается в своих оценках Китая и причин азиатских проблем. Он применяет к ним лишь экономические теории, разработанные на Западе, без рассмотрения фундаментальной разницы в институциональной среде и культуре. Когда азиатские страны стали осваивать идеи капитализма и рыночной экономики, они не представляли, что эти идеи противоречат тысячелетней философии и культуре. Дружеский (сгону) капитализм в Азии - это отражение коллективизма азиатской культуры. Это верно не только для Китая, но и для Японии, Южной Кореи и Юго-Восточной Азии...Если бы не недостаток времени - сейчас я очень занят зарабатыванием денег - я бы обязательно написал книгу с подробной аргументацией своей точки зрения"¹⁹.

При решении ряда методических вопросов, непосредственно касающихся темы исследования (доля внешней торговли и иностранных инвестиций в ВВП, сравнительные оценки уровня цен в различных государствах, характер современного международного разделения труда и его перспективы), были использованы труды

¹⁹ Far Eastern Economic Review. 30.12.1999-06.01.2000. P.99.

А.В.Аникина, С.Ахмада, С.А.Былиняка, Т.Вольфа, Л.Голдстоуна, Р.Гордона, Жэнь Жозня, И.Крэвиса, А.Мэддисона, В.А.Мельянцева, С.М.Никитина, А.Сена, И.П.Фаминского, П.И.Хвойника.

Большую помощь в исследовании оказали работы по отдельным товарным рынкам и отраслям хозяйства Китая (авторы: К.Андерсон, Л.Браун, Дж.Бхагвати, А.Ватсон, В.Мартин, Р.Конрой, Ю.Парк, Р.Помфрэ, С.Розель, М.Розенгрант, Р.Тайерс, Г.Тидрик, Х.Финдлэй, П.Филипс, Дж.Хуан, К.Чжао).

Важные оценки общей социально-экономической ситуации в Китае и политики этой страны содержатся в работах Д.Барнетта, А.Вайтинга, В.Маленбаума, Б.Наутона, Д.Перкинса, Пу Шаня, Т.Роски, Дж.Сакса, Д.Соледа, Дж.Фэрбэнка, Г.Хардинга, Цай Вэньхуэя, Д.Шамбо, А.Экстейна, М.Ягуды.

Обстоятельные работы по китайскому хозяйству регулярно представляют в последние годы В.В.Карлусов, П.М.Мозиас, И.Н.Наумов, В.Я.Портяков, И.Б.Шевель. Ценные наблюдения за современным развитием экономических теорий в Китае содержатся в публикациях О.Н.Борох.

Среди зарубежных исследователей внешнеэкономической политики КНР выделяются такие авторы, как Ван Хуайнин, Ван Леван, Ли Шаньтун, Дж.Камм, У.Кеменаде, Н.Ларди, К.Ли, И.Ломмен, Синь Хоуюань, Сюй Линь, П.Тончев, У Дакунь, К.Фукасаку, Чжай Фань, П.Чоу, Чэнь Чуаньлай. Среди отечественных монографий, диссертаций и статей следует отметить работы С.А.Манежева, А.А.Нетрусова, М.А.Потапова (особенно его монографию 1998 г.), Е.М.Спрогис, Т.Г.Терентьевой.

Обширна научная литература по экономике отдельных регионов Китая. К сожалению, охватить ее на сколько-нибудь

репрезентативном уровне невозможно. Интересные исследования по воздействию внешних факторов на отдельные регионы Китая сделаны такими авторами, как Э.Вогель, Лу Минхун, Т.Моррисон, П.Прайм, Хуан Жуань, Ян И.

Существенно облегчили сбор статистических данных информационные базы КНР, доступные в Интернете, в том числе подборки официальной хозяйственной статистики (<http://www.cei.gov.cn>) и статистики Министерства внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества (МВТЭС - <http://www.moftec.gov.cn>). Из других баз данных следует отметить бюллетени ТСФА (редакторы - Ф.Дюкуломбьер, Фань Чжигэн, Ху Цзянь, Ван Лицунь, Яо Тун, Цзоу Фэй).

Как ни странно, чем большую роль играет Китай в мировой экономике и политике, тем меньшее значение придается в научной литературе собственно китайским оценкам глобальных процессов, в том числе официальным. Возможно, их внешняя простота и консерватизм не доставляют достаточно пищи для новомодных построений, скажем, в русле так называемого постиндустриального видения будущего мира. Однако вряд ли это обстоятельство можно считать серьезным основанием для вывода за рамки научного анализа пекинской "риторики" и, напротив, произвольного навязывания руководству этой страны неких замыслов, сведения о которых нередко черпаются по усмотрению современных аналитиков из их собственных, далеко не всегда адекватных представлений о китайской истории - как древней, так новой и новейшей.

В настоящей работе внимание сосредоточено именно на тех вопросах экономической политики и практики КНР, которые

регулярно находят отражение в официальных документах, статьях известных авторов в авторитетных журналах. В самых общих чертах они, например, сформулированы в известной речи Цзян Цзэминя "Правильно налаживать некоторые важные отношения в ходе социалистической модернизации" (5-й пленум ЦК КПК 14-го созыва, сентябрь 1995 г.). К важнейшим для страны пропорциям отнесены соотношения между реформами, развитием и стабильностью; темпами и эффективностью хозяйства; экономическим строительством и народонаселением, ресурсами и окружающей средой; Восточными районами, Центром и Западом; рыночными механизмами и макрорегулированием; общественным сектором и другими секторами экономики; доходами государства, предприятий и отдельных лиц; расширением внешней открытости и отстаиванием курса опоры на собственные силы; центром и местами; укреплением обороны и экономическим строительством; материальной и духовной культурами²⁰.

Важность учета официальных экономических установок и скрытых за ними механизмов и расчетов вытекает из чисто аналитических задач. Без этого не удастся понять историю развития народного хозяйства Китая в послевоенный период, изобиловавший драматичными поворотами экономического курса, сменой ряда установок, некоторые из которых до сих пор остаются предметом дискуссий в КНР и за ее пределами. Необходимо также сознавать, что даже те установки, от которых руководство страны в свое время отказалось, сохраняют определенное значение, либо материализовавшись в виде конкретных объектов, например, предприятий "третьей линии" (заводов ВПК, созданных в 60-70-е

²⁰ Жэньминь жибао. 09.10.1995.

годы в глубине континентальной части Китая), либо в форме действующих мер планового и достаточно жесткого политико-административного регулирования хозяйственной деятельности населения, либо в сложившихся стереотипах массового сознания, либо как проверенный историей идеологический ресурс (на случай тех или иных непредвиденных обстоятельств, в том числе мирохозяйственных). "Китай сохранил в принципе возможности и механизмы перехода к мобилизационной экономике, обладая также огромным внутренним рынком. В силу этого он лучше других подготовлен к грядущему периоду хаотизации и имеет весьма реальные шансы оказаться наверху новой мировой иерархии", - отмечает, в частности, А.И.Некlessа²¹. С этим положением во многом стоит согласиться. Быть может, не нужно лишь переоценивать интерес современного Китая к краху Запада и верхней позиции в мировой иерархии. Мне не кажется наивным принять за чистую монету официальную установку Пекина: "КНР не стремится к гегемонии". Она органично входит в представление о многополярности (неиерархизированности) мира и может быть частью выводов о чрезмерной цене сверхдержавности, безусловно сделанных в Пекине из наблюдений за послевоенными международными отношениями.

В силу перечисленных причин китайская хозяйственная действительность и экономическая политика предстают как достаточно преемственные, в том числе в сфере непосредственного взаимодействия с внешними рынками.

²¹ Макроэкономические модели переходного периода: мировой опыт и российская специфика. М.: Панинтер, 1996. С.10.

К концу 90-х годов возникла, как представляется, крупная научная и общественная проблема, связанная со сложившимися в РФ стереотипами восприятия современной азиатской действительности. В менталитете деловых, административных и даже части научных кругов вполне закрепилось представление о том, что экономический опыт Азии не подходит России - в силу ее географических, культурно-цивилизационных и некоторых других особенностей. По мнению автора (противоположном указанным представлениям), бытующие на сей счет взгляды порождены главным образом пробелами в информационном обеспечении и несовершенством образовательных курсов учебных заведений. Предполагается, что в работе удастся показать однотипность ряда проблемных ситуаций в России, Китае и азиатских странах на разных этапах их развития и, следовательно, возможность решения некоторых наших внутренних экономических проблем с использованием зарубежного опыта.

ГЛАВА 1

МИРОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКА КИТАЯ